

Как видим, сопоставление двух языков отнюдь не преследует узко лингвистических целей; оно необходимо, оказывается, затем, чтобы урегулировать политические и дипломатические недоразумения, чтобы избавить японцев от тяжелого и поучительного урока, преподанного корейцами французам, чтобы способствовать взаимному слиянию двух народов, якобы восстанавливающему исконную, утерянную с веками, справедливость. Как видим, задачи эти отнюдь не лингвистического порядка. Они скорее относятся к компетенции отделов печати военного министерства и министерства иностранных дел. Ради этого создается невероятно убогая лингвистическая стряпня с привлечением мифологии и фальсифицированных данных корейской истории. В самом деле, каков характер лингвистических данных, приводимых Канадзава? В области морфологии это, как правило, случайно надерганные вне всякой системы факты, не проверенные, неправильно понятые, не раскрытые в их историческом движении. Приведу несколько примеров. Так, Канадзава утверждает, что в области образования вежливых глаголов яп. суффикс *hi* ~ *fu* соответствует корейскому — *or*. Почему? Канадзава не объясняет, хотя можно только догадываться, что это сходство форм должно вытекать из сходства, так сказать, опорных согласных обоих формантов яп. $h < f < p$ и корейского *p*: яп. *p* - *u* ~ кор. *o* - *p*. Однако утверждать родство двух формативов подобного рода аргументами (которые к тому же не раскрыты, очевидно, чтобы не лишить популярности и доступности это чтение) это значит — игнорировать историю корейского языка, в частности историю форматива *-or*, вскрытую еще японцем же Маэма в его комментариях к изданию старой корейской поэмы «Jonga». Там точно сказано, что данный форматив восходит к *daŋ*, *saŋ*, и точно показана его эволюция к *p*. Совершенно очевидно, что при учете истории языка вскрывается вся искусственность и случайность этого сопоставления.

Далее, невероятной натяжкой, абсурдом является утверждение, что корейские наречия образуются по тому же самому принципу, что и японские; любопытно, что в качестве примеров из японского языка берутся не наречия, ибо они никак не подтверждают этот «тезис» Канадзава, а сложно-составные глаголы. При этом, чтобы доказать явно недоказуемое, Канадзава вынужден трактовать первую часть сложно-составного глагола, сходную чисто внешне по своему формативу с корейским наречием, как якобы наречие. Он трактует глагол *каэrimiру* «оборачиваться, смотреть назад», как «смотреть обернувшись». Между тем, это абсолютно не укладывается в рамки современного грамматического строя японского языка; еще менее это укладывается в рамки грамматического строя древнего японского языка. Абсолютно ясно, что и сложно-составной глагол японского языка строится формально, как связь двух сочиненных глаголов: «обернуться и смотреть», то есть «смотреть назад», и эта модель, несмотря на все ее варианты, является единственно возможной для японского языка. Самое большее, что можно было бы допустить в истолковании этой формы, и то в историческом аспекте — это принять первую часть за имя существительное, что при более детальном рассмотрении не противоречит в конечном счете первой гипотезе; при этом понимании какой-нибудь сложно-составной глагол: *ёмицукусу* «прочитать все» означал бы дословно «исчерпать читаемое», «исчерпать все, что только можно прочесть». И так все возможно, кроме притянутой гипотезы Канадзава, ибо, во-первых, в чистых наречиях подобного рода образований мы не встречаем и не встречали в японском языке, а, во-вторых, сам Канадзава, в другом месте, чтобы доказать другую нелепость и натяжку, принимает и понимает форматив первой части сложно-составного глагола как показатель имени существительного.

Здесь не имеет смысла разбирать все аргументы, приводимые Канадзава. Во-первых, они исключительно малочисленны: на всю морфологию приведено всего двадцать возможных случаев совпадения (два из них, разо-